

ИНЕССА ДАВЫДОВА

**МИСТИЧЕСКИЕ ИСТОРИИ
ДОКТОРА КРАУЗЕ**

**СМЕРТЬ ВО СПАСЕНИЕ
СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ
ВОЗМЕЗДИЕ**

18+

Мистические истории доктора Краузе

Инесса Давыдова

**Мистические истории
доктора Краузе. Сборник №1**

«Автор»

2013

Давыдова И.

Мистические истории доктора Краузе. Сборник №1 /
И. Давыдова — «Автор», 2013 — (Мистические истории доктора
Краузе)

ISBN 978-5-532-07167-4

Серия включает в себя более пятнадцати рассказов о практике и драматических событиях из личной жизни московского гипнолога Эриха Краузе. Каждый рассказ – это отдельно взятая история пациента, обратившегося к доктору с загадкой, которую нельзя решить традиционным методом. В своей практике доктор использует уникальную методику погружения в предыдущие инкарнации, которая помогает пациентам понять и преодолеть свои страхи и фобии.

ISBN 978-5-532-07167-4

© Давыдова И., 2013

© Автор, 2013

Содержание

История первая. «Смерть во спасение»	5
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Инесса Давыдова

Мистические истории доктора Краузе. Сборник №1

История первая. «Смерть во спасение»

*До тех пор, пока вы не осознали
непрерывный закон умирания и рождения вновь,
вы просто смутный гость на этой Земле.
Иоганн Гете*

Глава первая

– Не надо бояться смерти, она лишь переход от одной инкарнации в другую, – заученной вступительной репликой доктор Краузе начал очередную лекцию в школе регрессивного гипноза. – Что переживает душа в момент перехода? Сколько времени длится переход? Где оказывается душа после перехода? На все эти вопросы вы сможете ответить после первого же сеанса регрессии.

В аудитории воцарилась тишина. Внимание учащихся было приковано к лектору, высокому статному мужчине с мягким хриплым голосом, стоявшему за кафедрой. Атлетически стройное телосложение Краузе ежедневно поддерживал многочасовыми физическими нагрузками. На его худощавом лице выделялись резко очерченные скулы. Густые черные брови нависали над выразительными и цепкими глазами. Длинная челка прикрывала высокий лоб. Лощеный внешний вид доктора особо привлекал женскую аудиторию своей аккуратностью и лаконичностью. Казалось, что именно у него, человека, заглянувшего по ту сторону смерти, достигшего финансового благополучия и всемирной славы, должна быть идеальная и безупречная жизнь.

– Мои пациенты во время гипноза часто описывают состояние смерти. Кто-то говорит, что это незабываемый и болезненный переход из одного состояния в другое. Кто-то утверждает, что это состояние Безусловной Истины, в котором нет иллюзий и сомнений, нет различных мнений и религий. Все в этот момент едино, – лектор сделал несколько глотков воды, привычным жестом поправил наручные часы и обвел аудиторию изучающим взглядом. – Но иногда пациенты заявляют, что это просто пустота. Темнота и пустота, в которой они пребывали неопределенное время. Остальные ощущали себя в безграничном счастье и покое. Из чего возникает вопрос: так уж ли страшна смерть?

– Смерть безжалостна, – иронично пробасил мужской голос с задних рядов.

Эта реплика разрядила напряженную атмосферу в аудитории, и по лицам слушателей пробежала улыбка. Но лицо доктора осталось непроницаемым. Рассказывая заученный текст лекции, Краузе то и дело мысленно возвращался к образу жены. Утром Елена сообщила, что решила взять паузу в их отношениях, и теперь он думал, успеет ли застать ее дома.

Когда лекция закончилась, на него обрушился шквал вопросов слушателей, но он сконфужено извинился, схватил новенький портфель и торопливо поспешил к выходу. Теплый осенний вечер тоже не поднял ему настроения, предстоял тяжелый разговор с женой.

– Доктор Краузе!

Обернувшись, он увидел молодую милостивую блондинку невысокого роста, спешащую к нему из аудитории. На бегу она складывала книги в пестрый дамский рюкзак.

– Я спешу! – доктор ускорил шаг.

– Я не задержу вас! Меня зовут Виктория Старикова, я хотела только узнать, когда вы сможете дать мне интервью?

Доктор приостановился:

– Вы журналистка? – спросил он и прожег ее пронзительным взглядом.

– Да, – с готовностью ответила она, но потом осеклась и добавила: – Скоро буду.

– Вот когда будете, тогда и поговорим! – отрезал он и подошел к черному «Ягуару».

Водитель открыл перед ним заднюю дверь. Но девушка не сдавалась:

– Вам когда-нибудь говорили, что вы похожи на Мадса Миккельсена? – крикнула вдогонку она и, нервно поправив прическу, добавила: – Не могла вам этого не сказать.

Доктор положил портфель на сиденье и повернулся к девушке. Он не знал актера и как реагировать на сравнение.

– Это известный датский актер, – пояснила будущая журналистка и обворожительно улыбнулась, от чего оголились ее белоснежные зубы, а на щеках проявились ямочки, придававшие ей особый шарм.

– Не знаю такого, – покачал он головой.

Ему хотелось поскорее от нее избавиться и скрыться в полутьме салона машины, где он смог бы спокойно обдумать предстоящий разговор с женой.

– Он играл во многих фильмах. В «Казино Рояль» коварного и умного Ле Шифра, а в сериале о Ганибале Лекторе – самого Лектора.

– Выходит, в ваших глазах я – архизлодей, – раздраженно усмехнулся доктор, сел в машину и кинул водителю: – Домой!

Виктория поняла, что испортила о себе первое впечатление, обиженно закусила губу и громко крикнула вслед отъезжающей машине:

– Я хотела сказать, что больше всего вы похожи на него в сериале «Первая группа». Там он не злодей, а герой. Черт! Обломилось интервью! Ну я как всегда...

Краузе состоял во втором браке пятнадцать лет. Детей у них с Еленой не было. Он не мог допустить, чтобы жена уехала без объяснений. Что-то мучило и терзало ее душу много лет. Каждый раз, когда он пытался завязать с ней разговор, она отводила взгляд и уклонялась от ответа.

По дороге домой он вспоминал о том, как они познакомились и прожили первые три года. Именно этот период был самым счастливым в его жизни. В это время они много путешествовали и встречались с интересными людьми. Только первые три года он чувствовал невероятное единение с женой, а потом она начала незаметно отдаляться и, в конце концов, полностью замкнулась в себе. Елена была очень красивой, стройной женщиной, с печальными глазами и улыбкой, которая нечасто посещала ее лицо, но предавала ее образу еще больше загадочности.

На подъезде к дому зазвонил мобильник. Говорить ни с кем не хотелось, но взглянув на дисплей телефона, он увидел определившийся номер студенческой подружки Светланы Анисимовой и решил ответить.

– Эрих, привет!

– И тебе привет, – отозвался он без привычной дружественности в голосе.

– Хочу отправить к тебе своего пациента – Степана Одинцова.

Между бывшими сокурсниками обмен пациентов был привычным делом, и доктор спросил:

– В чем его проблема?

– На протяжении многих лет он видит сны, в которых его преследует одна и та же женщина. Я провела несколько сеансов, но ничего, чтобы могло на него так подействовать, не нашла.

Обычно доктор уточнял детали, прежде чем соглашаться, но сейчас был настолько поглощен мыслями о жене, что предпочел быстрее закончить разговор:

– Хорошо, я приму его. Пусть позвонит ассистентке, она назначит сеанс на ближайшее «окно».

***

«Ягуар» подъехал к коттеджу, водитель нажал на пульт, металлические ворота медленно распахнулись. Дом был построен в калифорнийском стиле. В нем успешно соседствовали ультрасовременные материалы, дух романтики тридцатых годов прошлого века и простота архитектурных форм. Стекланные стены плавно выходили из помещения на улицу, делая дом частью ландшафта. Из-за того, что в доме было минимум перегородок, создавалось ощущение безграничного пространства. Со стороны патио открывался превосходный вид на Воробьевы горы. Коттедж отвечал всем привычкам и потребностям хозяина, но Елене он никогда не нравился и она ему не раз об этом говорила.

Краузе стремительно преодолел ступеньки из желтого песчаника и вошел в коттедж. В просторном холле с мраморными полами он снял кашемировое пальто и прислушался. В гостиной звучала легкая джазовая композиция. Доктор подошел к музыкальному центру и увидел любимый диск жены с популярными треками Дюка Эллингтона. Значит, она еще не ушла! Ему сразу полегчало. Пытливый взгляд исследовал интерьер. В столовой горели напольные свечи. Обеденный стол из цельного куска дерева с неровными краями был накрыт на две персоны. Из кухни расплзался ароматный запах пряностей и мяса.

Доктор быстро поднялся на второй этаж по деревянной лестнице без перил и оказался в спальне. Он снял пиджак и повесил его в гардеробной. Из ванной слышался шум воды, видимо, Елена принимала душ. Дверь в ванную комнату оказалась заперта, что было плохим знаком. Он осторожно постучал и позвал жену, но она не ответила.

Эрих решил подобрать вино к ужину и спустился на цокольный этаж в винохранилище. На столике стояла открытая бутылка вина. Он подумал, что впервые жена сделала выбор за него и откупорила бутылку заранее. Доктор плеснул вина в бокал для дегустации и остался доволен ароматом. Взгляд упал на этикетку: странно, но такой марки в его коллекции не было. Вино урожая 2010 года. Он подошел к электронному табло винохранилища и вывел на экран каталог вин. Как он и предполагал, такой марки у него не оказалось. Это было, по меньшей мере, необычно, потому что Елена никогда не покупала вино.

Он отнес бутылку наверх и поставил на обеденный стол. В духовке сработал электронный таймер. Эрих решил самостоятельно сервировать стол. Вынул мясо из духовки, порезал на куски и разложил по тарелкам. Достал листья рукколы из контейнера, добавил моцареллу, томаты черри, специи, оливковое масло и тщательно размешал в деревянной салатнице.

Когда заиграла «In a sentimental mood», любимая композиция жены, на лестнице послышался звук ее каблучков. Он поднял глаза и встретился с ней взглядом. Длинные светло-русые волнистые локоны обрамляли ее худощавое загорелое лицо. Ярко-синее элегантное платье облегло точеное тело. В руке она держала бокал вина. Неспешно спустилась по лестнице и холодно произнесла:

– Я решила, что прощальный разговор должен следовать за прощальным ужином.

Ее печальные глаза никак не вязались с романтической атмосферой гостиной. Только сейчас он заметил, что на ее пальце отсутствует обручальное кольцо. Его это страшно разозлило. Они еще не говорили о разводе, а она уже поставила крест на их пятнадцатилетнем браке.

– Ты не переусердствовала? – раздраженно спросил он и рванул воротник рубашки, казалось, что он стягивает его шею как удавка.

– Ничуть, – она сделала большой глоток вина и, качая бедрами, двинулась к столу.

Ужин прошел в полном молчании. Иногда Эрих шумно вздыхал, не зная, как начать разговор. Елена была напряжена, растерянно озиралась по сторонам, будто выискивала кого-то. Казалось, она играет заученную роль в пьесе плохого сценариста, в которой нет ясности сюжета.

Покончив с ужином, доктор промокнул салфеткой губы и отбросил ее в сторону.

– Я понимаю, ситуация неприятная и мучительная для нас обоих. Но инициатором разрыва являешься ты, так что придется поговорить со мной, нравится тебе это или нет.

Она горько усмехнулась и подняла на него печальные глаза. Как только он понял, что и на этот раз ясности не будет, мгновенно завелся:

– Не пойму, чего тебе не хватает? Скажи, что не так? Я все исправлю. Только скажи!

Он пристально смотрел на жену, стараясь прочесть ее настроение, но, кроме пустоты и безразличия, ничего не подмечал.

– Если ты меня разлюбила, я пойму.

Мучительная улыбка начала сползать с ее лица. Она смотрела на бассейн через стеклянную стену. Эриху показалось, что она сама не знает ответа на этот вопрос.

– Господи! Елена! Да скажи уже хоть что-нибудь! – выпалил он с обидой и горячностью, резко встал, и с силой оттолкнул от себя стул.

Широкими шагами он пересек столовую, открыл дверь на патио и глотнул живительной прохлады. Елена поежилась и прикрыла руками оголенные плечи.

– Прости меня, – тихо произнесла она.

– Что?

Он повернулся удостовериться, что ему не послышалось. Она действительно с ним заговорила? Елена сделала музыку тише и повторила:

– Прости меня, я была тебе плохой женой.

– Ты так сама решила или тебе кто-то сказал? А может, ты прочитала очередную бредовую статью в женском журнале? И что это за понятие такое – «хорошая жена»? Кто установил стандарты, в которые ты не вписываешься?

– Пожалуйста, не прерывай меня, я не в силах противостоять твоим психологическим штучкам. Я просто хочу сказать на прощание несколько слов и даже не жду от тебя понимания. Хотя знаю, что бы я ни сказала, ты меня все равно не поймешь.

– Я постараюсь! – выпалил Эрих с отчаянием в голосе.

Жена отрицательно покачала головой. Локоны ее волос заколыхались волной, доктор не сводил с нее глаз.

«Боже, какая же она красивая и желанная», – подумал он.

Он не в силах был ее отпустить. Хотелось сжать в объятиях, но он заранее знал ее реакцию: руки жены будут висеть вдоль тела, как плети, губы сомкнуться. Весь ее облик будет кричать о нежелании его прикосновений.

– Дорогая, я сделаю все, что ты скажешь, лишь бы спасти наш брак, лишь бы ты была счастлива.

– В том-то и дело, – ее голос окутывал ореол уныния и безнадеги, – я не знаю, что такое счастье. Я не знаю, что мне нужно для счастья. Мне кажется, я делаю жизнь своего окружения невыносимой. Меня не понимают родители, не понимают сестры, не понимаешь ты. Я не могу родить ребенка, но даже если бы он у меня был, он тоже бы меня не понимал. Тело мое существует, я дышу, мыслю, но не чувствую, что живу. Мне хочется свободы и уединения вдалеке от дома и близких. Может, так я смогу разобраться в себе.

Краузе посмотрел на нее с тоской. Сердце распадалось на тысячу сегментов, в каждом из которых было что-то привнесенное ей. Она говорит, что не знает, что такое счастье, но Эрих был с этим не согласен. Они были счастливы! Были! Нужно лишь постараться и вернуть эти дни.

– О чем ты говоришь?

– Я хочу уехать на время из страны. Ты же знаешь, я ненавижу Москву.

– Куда?

– На южное побережье Франции.

Доктор подумал, что жена дает ему еще один шанс для разговора после ее отпуска и решил не препятствовать отъезду.

– Хорошо. Франция, так Франция. Поезжай, отдохни, развейся. Пожалуйста, не ставь крест на наших отношениях. Я люблю тебя и готов преодолеть любые трудности.

Елена как-то странно посмотрела на него и хотела что-то сказать, но в этот момент зазвонил домофон.

– Это такси.

– Ты заказала такси? – от удивления брови Эриха поползли вверх.

– Я поеду к Кристи, нас пригласили на благотворительный прием. Оттуда сразу в отель.

Теперь Краузе понял, почему она так одета. Это было не для него, а для приема. Раньше она никуда без него не выходила.

– Ты пойдешь на прием с Кристиной? – переспросил доктор, зная, как к ее подруге относятся в их окружении.

– Она делает солидное пожертвование и попросила меня присоединиться, ее муж сейчас в Америке, – холодно отозвалась Елена.

Кристина была школьной подругой его жены. Год назад она выскочила замуж в четвертый раз. Очередной избранник был табачным магнатом, недавно основавшим свой бизнес в России. Кристи, так называли все ее близкие знакомые, была взбалмошна и ветрена. Встреча с ней означала только одно – кутеж до утра!

Не в силах больше сдерживаться, Эрих быстро поднялся по лестнице на второй этаж. Навалился приступ удушья, он стал задыхаться, глаза увлажнились. Он вдруг понял, что это конец и никакие разговоры им не помогут. Резкими движениями он скинул с себя одежду, встал под душ и, подставив лицо водяному потоку, стоял под прохладной водой, пока его не отпустило.

Доктор накинул байковый халат, спустился на первый этаж и увидел дюжину чемоданов у двери. Его водитель открыл дверь, но, увидев озадаченного шефа, поспешил объяснить:

– Хозяйка сказала отвезти чемоданы в «Президент-Отель».

Эрих кивнул, стараясь всем видом показать, что держит ситуацию под контролем, но, видимо, не убедил. С виноватым видом водитель поспешно скрылся с чемоданами за дверь.

Краузе стоял посреди огромного роскошного особняка в полном одиночестве и размышлял над своим будущим. Как ему жить, пока жена будет разбираться в себе? Сколько времени это займет? И вернется ли она? Кто он без Елены? Ополовинившая душа. Уже завтра он проснется в постели один. Не увидит ее бездонных глаз, от которых каждый раз трепетал как мальчишка. Елена сказала, что несчастна, но он-то был счастлив и не помышлял о большем.

Оставшийся вечер он провел на патио. Великолепный вид на этот раз не трогал и не завораживал. Все раздражало и казалось неуместным. Зачем он построил такой большой дом? Чтобы каждый раз напоминать себе и жене, как они одиноки? Никогда эти стены не услышат детского смеха. Зачем он сделал фасадную стену стеклянной? Они живут с женой как в аквариуме, напоказ перед соседями. Елена не раз на это жаловалась, но он только отмахивался и говорил: «Кому не нравятся, пусть не смотрят».

Он полулежал в плетеном шезлонге с бокалом вина и размышлял о том, что он – профессиональный психиатр со стажем, не смог разобраться в душевном состоянии собственной жены. Как же это банально и избито!

«Мы все куда-то спешим. Новые возможности, новые достижения. А на самых близких и дорогих людей у нас никогда нет времени», – подумал он с горечью.

***

Перед окном в полупустой съемной квартире на четырнадцатом этаже типовой новостройки, стоял широкоплечий мужчина лет сорока. Сегодняшний день он собирался провести так же, как и все предыдущие – наблюдать за женщиной, которая снилась ему на протяжении трех лет.

Все началось после трагического события: в автомобильной аварии он потерял жену и сына. Именно тогда он и начал видеть странные сны. Они преследовали его каждую ночь. И в каждом он видел ее.

Быстро одевшись, он посмотрел на часы. В течение двадцати минут она должна выйти из подъезда. Зазвонил мобильный телефон. На дисплее определился номер психиатра Анисимовой.

– Здравствуйте, Светлана Яковлевна, – он даже не старался скрыть свое раздражение и недоверие.

– Доброе утро, Степан. Вы не пришли на последний сеанс. Я обеспокоена вашим состоянием.

– Ваши сеансы мне не помогают, – сухо ответил он.

– Я созвонилась вчера с одним из своих коллег, доктором Краузе. Он специализируется на лечении регрессивным гипнозом и согласился вас принять.

Степан задумался. Что это? Желание удержать пациента или профессиональный интерес? На последнем приеме он недвусмысленно дал доктору понять, что в ее услугах больше не нуждается.

Не услышав ответа, Анисимова продолжила:

– Он помогает пациентам разобраться не только с этой жизнью, но и с прошлыми.

– С прошлыми? – уточнил Степан. – Вы имеете в виду реинкарнацию?

– Да. Его метод до сих пор официально не признан. Но он практикует уже больше десяти лет. Добился хороших результатов, выпустил несколько книг. Я советую вам к нему обратиться. Если мы с вами не нашли ответа в этой жизни, то, возможно, разгадка кроется в предыдущих инкарнациях.

– Забавно это слышать от вас! – нервно произнес Степан и усмехнулся.

– Я понимаю ваш сарказм, но думаю, для вас это – последний шанс.

– Как вы сказали? Краузе?

– Да. Эрих Краузе, – подтвердила Анисимова.

– Прямо как канцелярские товары! – хохотнул Степан. Анисимова не отреагировала на шутку, и он спросил: – Он что – немец?

– Да. По отцу он – немец, его предки живут в России со времен революции. Его отец тоже был психиатром. Эрих очень специфический человек, характер у него сложный, не терпит критики ни в какой форме, перфекционист во всем, но не это главное. Главное – он вам поможет. Я уверена в этом.

Записав фамилию, Степан сказал, что подумает и поспешно попрощался. Сел за кухонный стол, открыл ноутбук, набрал в поисковике исходные данные и начал изучать отзывы пациентов о хваленном докторе.

Когда на телефоне сработал таймер, Степан встрепенулся и посмотрел на часы. Пока он читал отзывы, за которыми стояли реальные истории, совсем забыл о своей цели. Выглянув в

окно, он увидел, как объект его наблюдения выходит из подъезда с мужем и детьми. Младшая дочь громко плакала, мать пыталась ее успокоить. Муж с кем-то говорил по телефону и, казалось, совсем не обращал внимания на идущих позади жену и детей. За последний год Степан хорошо изучил эту семью. Их нельзя было назвать идеальными людьми, но и плохими они не были. Люди как люди. Со своими слабостями и недостатками.

Семья разместилась в серебристом седане, через минуту машина выехала со двора и скрылась за поворотом. Степан окинул взглядом комнату и нахмурился. Он не понимал, что ему делать дальше. Встретить объект после работы или навестить ее в офисе в обед? Сегодня, впервые за последний год, кто-то отвлек его от привычного распорядка дня. Рука потянулась к телефону. Ладно. Так и быть. Он даст себе еще шанс, но это будет последний. Степан набрал номер приемной доктора Краузе.

***

Кабинет Краузе был довольно просторным и поделен на две зоны – рабочую, в которой стоял письменный стол и книжные шкафы, и приемную, в ней располагались три кресла разной конфигурации, журнальный столик и кушетка. Офис, в отличие от его коттеджа, был оформлен в классическом стиле.

Настроение у доктора было хмурым, он не выспался, и не мог сосредоточиться. После ухода жены прошла неделя, а она до сих пор не дала о себе знать. Несколько раз он пытался дозвониться, но голос пронизанный металлом повторял избитую фразу: «Телефон абонента находится вне зоны сети».

В кабинет зашла ассистентка – кудрявая девушка с большими карими глазами, и доложила:

- Вас ожидает Степан Одинцов, записан на десять тридцать.
- Кто такой?
- Пациент Анисимовой, она заверила, что согласовала с вами этот вопрос.
- Да-да. Новый пациент, – вспомнил доктор. – Пусть войдет.

Через минуту перед ним предстал брюнет среднего роста с правильными чертами лица. Гладко зачесанные назад волосы оголяли высокий лоб. Губы плотно сомкнуты. На нем был черный джинсовый костюм. В руках он держал потертый рюкзак цвета хаки. Через белую футболку с лозунгом «Не в силе Бог, а в правде» проглядывал выпуклый мышечный рельеф.

– Присаживайтесь, меня зовут Эрих. Прошу меня называть по имени. Не доктор Краузе, не доктор и не док.

Степан опустил рюкзак на пол, сел в предложенное кресло и стал внимательно разглядывать Краузе. Ему не понравился щеголеватый вид, откровенно демонстрирующий недостаток и успех. В отличие от гипнолога, Степан вел аскетичный образ жизни и довольствовался малым.

- Вас ознакомили с моими расценками?
- Да.
- Возможно, нам понадобятся несколько сеансов... – пространно намекнул доктор, не сводя пытливого взгляда с Одинцова.

– Я это понимаю, – настождено ответил Степан и с горечью подумал: «Он у всех пациентов спрашивает о деньгах или только у меня?».

– В первую встречу я не ввожу пациентов в гипноз. Это мое правило. Сначала я вникаю в суть проблемы. Сеанс длится ровно час. К нему я могу добавить пять минут, если воспоминания нельзя прервать немедленно. Иногда между сеансами может пройти не одна неделя, это зависит от наплыва пациентов. Вам нужно набраться терпения. Если ситуация будет серьезной и потребует дополнительного расследования, я могу вам порекомендовать специалистов, которые специализируются на поиске исторических фактов той или иной эпохи, детектива и...

Нетерпеливо махнув рукой, Степан прервал доктора и сказал:

- Не надо. Я бывший следователь и сам в состоянии получить любую информацию.
- Вот как? Светлана этого не сказала. Хорошо. Остальное вам понятно?

Степан кивнул.

- Тогда приступим. Расскажите, с какой проблемой вы ко мне пришли?

Помпезная обстановка кабинета и лощеный вид доктора не прибавили новому пациенту уверенности в принятом решении. Мелькнула мысль, а не послать ли этого гипнолога куда подальше. Все тело напряглось. Но тут взгляд Одинцова скользнул по стене, на которой как на подбор была вывешена целая галерея фотографий доктора в обнимку с разными людьми, видимо, пациентами. Здесь были мужчины и женщины различного социального слоя и достатка, но одно их, несомненно, объединяло, все они смотрели на Краузе с благодарной улыбкой.

Степан откашлялся и прочистил горло.

- Три года назад... в автомобильной катастрофе... погибла моя семья: жена и сын.

– Примите мои соболезнования, – Краузе сказал это с невероятной теплотой в голосе, что никак не вязалось с его внешней холодностью.

– Спасибо. Трудно описать... мое состояние в тот период. Скажу коротко: моя жизнь закончилась в день аварии. Я был глубоко убежден, что остался жив по ошибке и не собирался жить дальше привычным укладом. Я уволился, продал квартиру и написал завещание. Я готовился уйти.

Повествуя свою историю, он часто делал паузы и опускал голову, будто чувство вины не давало говорить о своей проблеме открыто.

- Вы хотели покончить с собой? – уточнил доктор.

– Нет, – рьяно замотал головой пациент, – я хотел... уйти из мира, подальше от людей.

– Понятно. Продолжайте.

С этого момента голос Степана изменился: стал жестким, он заговорил без запинки, как хорошо заученный текст.

– Религиозным я никогда не был, но мать покойной жены убедила меня молиться за семью, дабы облегчить им переход из этого мира в иной, что собственно я и делал. Так прошло полгода. Признаюсь, мне казалось, что я раньше и не жил вовсе, так комфортно и спокойно мне стало. Жизнь в одиночестве наполнила мой мир до краев. Меня переполняла радость бытия. Я молился уже не из-за семьи, а для себя и с немалым удовольствием, даже почувствовал тягу к отшельничеству. Мне захотелось принять постриг. Как только я осознал это, меня стали преследовать сны. Они были разными, но в каждом из них была вот эта женщина.

Степан вынул из кармана куртки фотографию и протянул доктору. На ней была изображена брюнетка обычной наружности лет тридцати. Посмотрев на фотографию, доктор Краузе спросил:

- Вы знали ее до того, как увидели во сне?

– Нет. Никогда не видел. Представьте, каково было мое удивление, когда я встретил ее на остановке.

От удивления брови доктора поползли вверх.

- На остановке? – переспросил доктор, словно, не веря своим ушам.

– Угу. Мое сновидение стояло рядом со мной в виде реальной женщины. Я был потрясен и ошарашен. Сам не знаю почему, но я пошел за ней. Я не хотел ее напугать и держался на приличном расстоянии. Навыки слежки за годы работы у меня отточены, поэтому она меня не заметила. Я провел ее до дома, узнал, где живет, как зовут.

- И как же ее зовут?

– Галина Смолякова. Она замужем, двое детей.

– Интересно, интересно. И что было потом? – спросил заинтригованный доктор и закинул ногу на ногу.

– Я стал за ней приглядывать, – опасаясь быть непонятым, Степан бросил на доктора красноречивый взгляд. – Понимаете, во снах она нуждалась в моей помощи. Я должен был ее спасти. Когда я ее встретил, то подумал, что должен ей помочь, но пока не знал как.

– И что вы сделали?

– Я все еще за ней приглядываю.

– Хм. Понятно. Вы с ней общаетесь?

– Нет. Я просто наблюдаю за ней и по возможности помогаю.

– Помогаете? Чем?

– Я оберегаю ее!

Он явно не хотел вдаваться в подробности. Доктор это понял и осторожно уточнил:

– Ваша помощь влияет на ее судьбу?

– Нет! Ни в коей мере! – запротестовал Степан и тут же разъяснил: – Это просто помощь в бытовом плане. Один раз я помог занести коляску в подъезд. Другой – починил кран бесплатно, по-соседски.

– Значит, вы познакомились?

– Нет, я стараюсь маскировать свою внешность.

– Вы на данный момент работаете? – настороженно спросил доктор.

– Нет, я не могу. Я за ней приглядываю.

Это озадачило доктора. Он слегка склонил голову на бок и одарил пристальным взглядом Одинцова. Кто перед ним? Больной, одержимый бредом преследования или все же нуждающийся в помощи человек, который из-за перенесенного стресса после потери семьи самостоятельно испытал во сне регресс?

– На что же вы живете?

– Я же говорил, я продал квартиру и машину.

– Понятно. Значит, вы добровольно возложили на себя миссию защищать эту женщину от возможных неприятностей.

– Да. Светлана Яковлевна работала со мной больше полугода, но результатов нет. Мы не продвинулись в решении моей проблемы ни на шаг.

– Хорошо, я вас понял. Вы сказали «по-соседски», вы живете с Галиной в одном доме?

– В одном подъезде, – уточнил Степан и заерзал. – Я снимаю там квартиру. Так мне легче контролировать ее передвижения.

– Понятно. Теперь прилягте на кушетку и постарайтесь расслабиться.

– Зачем? – нахмурился Степан.

– Мы просто продолжим беседу в другом положении. Поговорим о вас, о вашем детстве, о родителях, о вашей жене и сыне.

– Как, опять?! Вы можете изучить записи Анисимовой. Зачем рассказывать дважды?

– Когда вы приходите к любому другому специалисту, скажем, к кардиологу, а до этого несколько месяцев вам не могли поставить диагноз другие кардиологи, вы же не предлагаете ему по записи восстановить анамнез?

– Что восстановить? – не расслышал Степан.

– Историю болезни.

Одинцов тяжело вздохнул, молча поднялся с кресла и пересел на кушетку. На вопросы доктора он отвечал неохотно, через силу. Лицо оставалось напряженным, а ладони периодически сжимались в кулаки. Особенно болезненными оказались вопросы о жене и сыне.

Когда прозвенел таймер на часах, доктор сказал:

– Постарайтесь с сегодняшнего дня вести записи ваших снов. Кратко и доходчиво. Что снилось и какие эмоции при этом испытывали. Передайте записи моей ассистентке не позже чем за день до второго сеанса.

– Хорошо, – Степан поднялся с кушетки.

- По поводу Галины хочу вам предложить другую модель поведения.
- Какую? – заинтересовался пациент.
- Перестаньте маскироваться. Пусть она вас заметит.
- Но это опасно! Она может подумать, что я ее преследую, станет более бдительной.
- Но вы же соседи, – возразил Краузе. – По поводу работы тоже что-нибудь придумайте. Найдите работу рядом с ее офисом. Вы год действовали по одной модели, начните завтрашний день с другой.
- Хорошо, я постараюсь, – нехотя согласился Степан и направился к двери.
- До свидания.
- До свидания, док..., э-э, – Одинцов почесал затылок и тут же поправился: – Эрих.

Глава вторая

На следующий день Степан, как обычно, вышел из подъезда с небольшим рюкзаком, в котором носил термос с кофе и бутерброды. Сегодня он решил последовать совету Краузе, поэтому не стал маскироваться.

Везти детей в детский сад была очередь мужа, а сама Галина должна была доехать до метро на автобусе – по пятницам у нее были занятия фитнесом, и она выходила из дома на час раньше.

Поглядывая на часы, Степан немного постоял у спортивной площадки, затем неторопливо двинулся в сторону остановки. Из подъезда вышла Галина и поспешила в ту же сторону. Он замедлил ход и пропустил ее вперед. Это была женщина заурядной внешности с темными кругами под глазами от постоянного недосыпа. Серо-черные оттенки гардероба позволяли ей незаметно смешиваться с толпой.

Автобус должен был подойти к остановке с минуты на минуту. Соседи стояли в пяти метрах друг от друга. Галина читала почту в мобильном телефоне. Когда подошел автобус, она зашла в салон последней, тщательно обыскивая карманы в поисках мелочи. Заметив ее задержку, Степан не стал проходить вперед, и с полуулыбкой протянул несколько монет.

– Возьмите, а то опоздаете на работу.

Женщина тут же запротестовала:

– Спасибо, у меня есть деньги.

Открыв кошелек, она вынула пятитысячную купюру и протянула водителю. Тот бросил на купюру недовольный взгляд и отрицательно помотал головой:

– Нет сдачи!

Степан снова протянул деньги.

– Возьмите, потом отдадите.

Водитель, глядя на Галину, с нетерпением крикнул:

– Ну, вы едете или как?!

Она раздраженно выпалила:

– Да еду-еду.

Позаимствовав деньги, женщина купила у водителя электронный билет и приложила к терминалу.

– Спасибо большое! – обратилась она к Степану с пылающим от смущения лицом. – Как же я вам отдам деньги? Вы часто пользуетесь этим маршрутом?

– Да, часто. Но обычно я еду на час позже. Просто у меня сегодня тренировка.

Она вскинула на него удивленные глаза.

– Да что вы?! – Галина хохотнула. – Вот совпадение! У меня тоже!

На первый раз Степан решил ограничить общение. Пожелав ей хорошего дня, он перешел на заднюю площадку автобуса и сделал вид, что наблюдает за движением транспорта за окном.

***

Краузе совершал привычный утренний заплыв в открытом подогреваемом бассейне. Каждое утро он проплывал пятьсот метров, невзирая на погоду и состояние здоровья. Легкие клубы пара струились над поверхностью воды. Эрих заканчивал двадцатый круг, когда над водой мелькнул стройный женский силуэт.

«Елена!» – подумал доктор, сердце затрепетало от волнения.

Но, подняв голову над водой и сфокусировав зрение, он тут же испытал разочарование, это была подруга жены – Кристина. Телосложением она походила на Елену, но была почти на голову выше. Она стояла в вечернем платье у края бассейна и оценивающе смотрела на Эриха.

Доктор вылез из воды, накинул халат и наспех вытер полотенцем голову. Кристина чмокнула его в щеку и спросила:

– А где Ленусик? Я звонила ей ужас сколько раз, она вне доступа.

– Привет, Кристи, здесь ты ее точно не найдешь, я не видел ее уже неделю, – с тоской в голосе ответил Краузе и потянулся к стакану со свежевыжатым апельсиновым соком.

Кристина вскинула на него удивленные глаза и спросила:

– Ты в порядке? Выглядишь отвратительно.

– Спасибо, ты всегда была ко мне добра, – с сарказмом парировал доктор и прошел на кухню.

Отбросив полотенце на кухонный остров, Эрих заметил сервированный на одну персону обеденный стол и приступил к завтраку. Незваная гостья проследовала в гостиную и остановилась перед портретом подруги, висевшим над камином.

– Тебе не предлагаю, потому что хорошо помню, что ты не завтракаешь, – объяснил свое негостеприимное поведение хозяин дома.

Кристина взглянула на еду и пренебрежительно фыркнула.

– Я бы выпила шампусика, – кокетливо произнесла она и села на диван. – Ночка была улетной, но быстро закончилась.

«Недопила!», – мысленно съехидничал он.

Когда Кристина получила желаемое, она сделала несколько глотков и поставила бокал на придиванный столик. Закинув ногу на ногу, она откинулась на спинку дивана и томно вздохнула, при этом разрез на вечернем платье обнажил ее ногу до самого бедра.

– Мы договаривались, что она мне позвонит обсудить совместную поездку во Францию.

– Думаю, что на этот раз Елена решила поехать без тебя, – с нескрываемой иронией произнес доктор.

Он всегда недолюбливал Кристину и никак не мог понять, что заставляет его жену, пианистку с консерваторским образованием, общаться с вздорной охотницей за богатством.

– У тебя все в порядке? Ты какой-то дерганый. Теперь ты совсем не похож на свое прозвище Ходзуки¹.

Эрих знал, что это прозвище дала ему сама Кристина, но что оно означало, понятия не имел.

– Кажется, наш брак трещит по швам, возможно, тебе скоро представится случай позлорадствовать.

– Нет, она мне ничего такого не говорила, – Кристина нахмурилась, потом отмахнулась, сочтя его слова очередной издевкой и добавила: – Ты все это только что придумал.

---

¹ Ходзуки – главный герой-демон «Хладнокровный Ходзуки» японский мультсериал в жанре черной комедии. Хотя со стороны он выглядит хладнокровным и непоколебимым, на деле Ходзуки очень харизматичная и довольно вспыльчивая личность.

– Ничего я не придумал. Спроси у Василия. Он отвозил ее чемоданы в «Президент-Отель».

– Кто такой Василий?

– Мой шофер.

Кристина на минуту застыла, пытаясь переварить полученную информацию, потом одним глотком допила шампанское и поднялась с дивана.

– Ты не прав, – твердо сказала она.

– В чем?

– Я никогда не буду злорадствовать, если вы расстанетесь. Я глубоко убеждена, что вы созданы друг для друга, даже завидую подруге чернушей завистью. Она нашла своего мужчину, а я до сих пор мыкаюсь.

– Жаль, что она так не считает, – с грустью ответил Эрих, тяжело вздохнул и продолжил завтрак.

– Когда я ее найду, то вставлю ей мозги на место, – уверенно произнесла Кристина и пошла в сторону двери.

– Кристи! – окрикнул ее Краузе.

Она обернулась и вопросительно на него посмотрела.

– Спасибо! Буду тебе очень признателен.

Кристина кивнула и выпорхнула из коттеджа.

После завтрака доктор прошел в библиотеку и развернул «Новые Известия». Пробежавшись по заголовкам, он не нашел ничего интересного и отбросил газету в сторону. Из головы не выходил приезд Кристины. Ранее он был уверен, что она приложила руку к их разрыву с Еленой. Но, наблюдая за ее жестами, понял, что Кристина говорила совершенно искренне. Получается, что о своем решении уйти от мужа Елена не сказала даже лучшей подруге, хотя они были вместе на благотворительном вечере сразу после их разрыва. Это показалось доктору очень странным, его жена всегда делилась с ней основными событиями семейной жизни. Если она не с Кристиной, тогда с кем? Елена никогда не путешествовала одна. Если уезжала без него, то с компаньонкой, будь то сестра или подруга.

«Наверное, на этот раз она уехала с одной из сестер», – успокаивал себя доктор, но решил проверить и набрал номер Ольги, старшей сестры, с которой у него сложились доверительные отношения.

После третьего гудка услышал бодрый голос и дружелюбным тоном произнес:

– Доброе утро! Не помешал?

– Привет, Эрих! Давно не общались.

– Работа, – воспользовался обычной отговоркой доктор и спросил: – Можешь уделить минуту?

– Засаекаю, – усмехнулась она.

– Я по поводу Елены. Она не звонила тебе в последние дни?

Ольга сразу насторожилась.

– Нет, а должна была?

– Неделю назад она собрала чемоданы и сказала, что ей надо побыть в одиночестве, но я знаю, это был просто предлог. Она бросила меня. В последнее время все к этому шло. Она снова замкнулась и почти не общалась со мной.

– Боже... Мне очень жаль, Эрих... – расстроено отозвалась Ольга. – Чем я могу тебе помочь?

– Расспроси родных, может, кто-нибудь что-то слышал о ней, может, говорил с ней. Может, она оставила свой новый номер. Я не буду ей докучать, просто хочу знать, что с ней все в порядке. Старый номер отключен, на электронные письма она не отвечает. Все это время я думал, что она с Кристи. Ты же знаешь эту плутовку, она могла заманить жену на благоотво-

рительный вечер, а оттуда увезти на частном самолете куда угодно. Но сегодня Кристи сама пришла в коттедж разыскивать Елену.

– Я сейчас же обзвоню всех и наведу справки.

– Ольга, пожалуйста, не переусердствуй, вдруг с ней все в порядке, а мы напрасно поднимем тревогу. Прозондируй почву осторожно.

– Не волнуйся, я знаю, как это сделать.

***

Дверь кабинета открылась, ассистентка гипнолога пригласила пациента войти. С прошлого приема прошло десять дней. Степан выглядел более уверенным и спокойным. На нем была та же одежда, что и в прошлый раз.

– Проходите, Степан, присаживайтесь, – мягко произнес Эрих.

– Добрый день!

Взглядом, показывая на исписанные листки, лежащие на коленях, доктор сказал:

– Спасибо, что выполнили мои рекомендации.

– Да, я тщательно все записал, – Степан усмехнулся. – Уж не знаю, чем это поможет.

Краузе прожег его пытливым взглядом.

– А как обстоят дела с Галиной?

Степан пригладил волосы и многозначительно закивал.

– Мы познакомились, но я пока не форсирую события.

– Правильно. Есть изменения в вашем состоянии?

– Да, – твердо заявил Степан, – мне стало легче. После того как мы стали общаться, я даже начал немного ее отпускать.

– Это хорошо. Но вернемся к навязчивым снам. Я прочитал ваши заметки и вижу две проблемы. Одна – это злая старуха, которая проклинает вас на все лады. Другая – это девушка, которая молит вас о пощаде.

– Да. Именно так. И эти события тесно связаны, но как, я не могу понять. Есть такое ощущение, если я помогу девушке, то старуха замолчит.

Краузе отложил в сторону записи Степана и взял рабочий блокнот.

– Сегодня мы совершим первое путешествие в ваши прошлые жизни.

– Как далеко можно продвинуться за один сеанс? – поинтересовался Степан.

– Все очень индивидуально. Обычно именно последние три жизни концентрируют в себе проблемы, которые могут влиять на нас в этой инкарнации, но бывают исключения. Все зависит от яркости и значимости события и одновременного воплощения душ в одном временном отрезке.

– Я понял.

– Ложитесь на кушетку, закрывайте глаза и слушайте мой голос.

Степан снял джинсовую куртку и повесил ее на спинку стула, лег на кушетку и закрыл глаза. Доктор нажал на запись, камера, установленная напротив кушетки, замигала красным огоньком. Несколько минут он четким и поставленным голосом давал Степану указания по расслаблению мышц. Ввел пациента в гипноз и приступил к сеансу.

– Степан, вы находитесь на лечебном сеансе, который поможет вам понять ваши сновидения.

Доктор попросил пациента пошевелить правую руку, затем поднять левую и приложить к голове. Когда Степан выполнил команды, доктор, повышая голос на тон, скомандовал:

– Лента времени раскручивается назад!

Степан размерено дышал. Выглядел максимально расслабленным. Глаза плотно закрыты, веки подрагивают.

Краузе подался корпусом вперед и значимым тоном произнес:

– Степан, сейчас вы войдете в длинный темный туннель. Пройдя его, вы попадете в предыдущую жизнь. Туннель похож на цилиндр с темными стенами. В конце туннеля вы увидите ослепительный свет. Я буду считать от десяти до одного, и когда скажу один, вы окажетесь в своей предыдущей инкарнации. При этом вы сохраните свою личность и будете понимать, что это ваша прошлая жизнь. Степан, вы не будете отождествлять себя с прошлой личностью.

Под гипнозом Степан пребывал в абсолютной темноте. После слов доктора он увидел размытые очертания туннеля. Поспешил к нему и заглянул внутрь. Стенки туннеля были круглые и почти черные. Они бликовали, искрились, будто проход был высечен в пещере из пирита. Зрелище завораживало, Степан замер на входе, испытывая невероятное благоговение.

– Десять... девять... Вы входите в туннель и набираете скорость. Восемь... семь... Двигаетесь все быстрее и быстрее. Шесть... пять... Стены начинают светлеть, вы двигаетесь к свету. Четыре... три... Стены почти белые. Яркий, ослепительный свет застилает вам глаза. Два... Ничего не бойтесь. Пусть свет окутает вас со всех сторон. Один... Выход. Вы снаружи. Вам комфортно, вы в безопасности. Вы слышите мой голос?

– Да, – тихо ответил Степан.

– Где вы сейчас находитесь? Что видите перед собой?

Пелена застилает глаза, очертания предметов кажутся размытыми. Степан прищуривается, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь, но тщетно.

– Смутно все, – произнес он и не узнал собственный голос.

– Резкость настраивается, вы можете все четко видеть. Сейчас день или ночь?

Пелена постепенно рассеялась, изображение стало четким. Степан поднимает голову и видит яркое солнце. Теплые лучи пронизывают и согревают пространство.

– День, – ответил он.

– Вы мужчина или женщина?

Степан посмотрел на свои большие мозолистые ладони и ответил:

– Мужчина.

– Что вы видите перед собой?

Опустив голову, Степан видит под ногами мощеную булыжником дорогу. По обе стороны от нее стоят дома, выкрашенные в яркие цвета. Окна прикрыты деревянными ставнями. На балкончиках в маленьких глиняных горшках растут цветы. Массивные, резные деревянные двери украшают вход почти каждого дома.

– Я вижу дорогу.

– Хорошо. Куда эта дорога ведет? – спросил доктор и начал делать пометки в своем блокноте.

– Домой.

– Где ваш дом?

– В городе.

– Как называется этот город?

Степану мгновенно приходит ответ.

– Бри-уд, – по слогам произнес он.

– Бриуд, – повторил доктор, набирая поисковый запрос в «Гугле».

Краузе взглянул на карту. Бриуд обозначился на границе центральной и южной части Франции.

– Что вы видите справа от себя?

Степан поворачивает голову направо и видит каменную кладку храма в романском стиле. Его стены выложены из камня разных цветов. От белого – до серого, от желтоватого – до коричневого. Это придает постройке довольно пестрый и необычный вид. Внезапно Степану приходит осознание, что изначально стены храма готовились под штукатурку и роспись, но из-за

недостатка денег стены остались заделаны только местами. Он окидывает взглядом деревянные ворота с ажурным кованым декором, ответ приходит сам собой:

- Базилику святого Иулиана.
- Хорошо. Где ваш дом?
- Недалеко.
- Идите домой.

Степан уверенно идет прямо и, пройдя два квартала, поворачивает налево и останавливается перед трехэтажным домом с арочными окнами и каменным сводом над дверью. Входная дверь покосилась и держится только на одной петле. Руки сами тянутся к двери, и привычными движениями он вправляет отлетевшую железную петлю. Степан ловит себя на мысли, что делал это уже десятки раз.

Через минуту доктор спросил:

- Вы дома?

Войдя в дом, Степан преодолевает по скрипучим доскам небольшой холл и оказывается в просторной комнате с тремя окнами.

- Да.
- Кто живет в этом доме?

В гостиной сидят за столом женщины. Они плетут кружева, тихонько переговариваясь между собой. Одна из женщин выглядит старше остальных и имеет начальственный вид. Степан внимательно ее рассматривает, но ничего знакомого и родного не чувствует. Из соседней комнаты слышится стон. Одна из девушек смотрит на него с сочувствием. Он заходит в спальню и закрывает за собой дверь. Женщина лет сорока, в белоснежной кружевной рубашке и чепчике, лежит на кровати. Ее голова мечется по подушке. У нее жар. Степан чувствует, как сердце наполняется тоской и жалостью.

- Мама.
- Как зовут вашу маму?
- Эмма. Она лежит в постели.
- Почему? Сейчас же день.
- Она больна. Вернее... она умирает.
- Сколько маме лет?
- Сорок два.
- А вам сколько?
- Восемнадцать.
- Вы знаете, как вас зовут?

Степан шумно сглатывает и тихо отвечает:

- Жак.
- Где ваш отец?
- Умер.
- Хорошо. Вы женаты?

Степан вглядывается в лицо черноволосой девушки, что ухаживает за матерью. В ее взгляде читает упрек и тоску. Он чувствует, что она на него обижена, но за что – пока не понимает.

- Нет.
- А девушка у вас есть?

В висящем на стене зеркале Степан видит свое отражение. На нем монашеская ряса цвета каштана. Капюшон прикрывает лицо. Он снимает капюшон и видит на голове тонзуру – бритую макушку. Оставшиеся волосы образовывали кружок. Степан точно знал, что это было сделано в подражании «венца» апостола Петра.

- Нет. Мне же запрещено, – внезапно догадался он.

– Почему?

– Я монах.

Доктор сделал пометки в блокноте.

– Вы монах. Хорошо. А почему вы не в монастыре?

– Я пришел проведать маму.

– Хорошо. А у вас есть братья и сестры?

В этот момент Степан осознает, что мать – его последняя оставшаяся в живых родственница. На его глаза наворачиваются слезы. Тоска сдавливает горло.

– Все умерли, – коротко ответил он и всхлипнул.

Доктор решил, что пора приступить к основным вопросам.

– У вас есть враги?

Степан поднимает глаза на девушку, но злобу в ней не ощущает. Между ними нет недосказанности. Она недолго тосковала по нему. На безымянном пальце обручальное кольцо.

– Нет. Я – мирный человек.

– Вы с кем-нибудь ссорились?

Он точно знает, что ссорился с этой девушкой, он даже знает ее имя – Жозефина. Но причина ее тоски в том, что он выбрал не ее, а монашеский постриг.

– Нет, – решительно ответил Степан.

– Вас кто-нибудь проклинал?

– Нет.

В следующий момент, Степан обнаруживает себя на окраине города. Он видит, как Жозефина бежит к нему через мост и осознает, что это их предыдущая встреча. В предвкушении свидания она светится от радости. Но по мере приближения к нему улыбка сходит с девичьего лица, девушка понимает, что он собирается ей сказать. Она мотает головой и кричит:

– Нет! Нет! Ты не сделаешь этого! Я люблю тебя, Жак!

Он опускает голову, ему стыдно смотреть ей в глаза. Ему жалко девушку, но зов души сильнее. Завтра он покинет город и отправится в монастырь. Она падает в его объятия и плачет от безысходности. Он поглаживает ее волосы и в последний раз вдыхает их цветочный аромат.

Краузе взглянул на часы. До конца сеанса осталось пятнадцать минут. Он решил прокрутить время вперед, в надежде, что разгадка может таиться в конце жизни Жака.

– Лента времени раскручивается вперед.

Очертания предметов постепенно размываются, Степан снова оказывается окруженным ярким светом.

– Степан, я досчитаю до трех, и вы попадете в последний день жизни Жака. Один... два... три... Что вы видите перед собой?

В следующий миг Степан оказывается в темном затхлом помещении небольшого размера. Его окружают серые каменные стены. Высоко, почти под потолком виднеется небольшое окно арочной формы.

– Окно в келье.

– Что вы делаете в келье?

Степан видит свое истощенное тело. Дотрагивается до слипшихся мокрых волос. Подушка влажная и грязная. Его тело покрыто двумя тонкими одеялами. Где-то неподалеку слышатся мужские голоса.

– Лежу на соломенном матрасе, у меня лихорадка.

– Вы заболели?

– Я умираю, – взволнованно произнес пациент и начал учащенно дышать.

– Сколько вам лет?

– Сорок шесть.

– Какой это год?

– 1634 год от Рождества Христова.

Доктор сделал запись в блокноте и спросил:

– Вы один?

– Нет.

– Кто с вами в келье?

Степан повернулся на звук доносившейся до него молитвы.

– Двое монахов бенедиктинцев.

– Что они делают?

– Молятся за меня.

– Хорошо. Вы прожили всю жизнь в этом монастыре?

– Нет, я у них проездом. Я ехал с посланием в Семюре-ан-Брионне.

– Что в этом послании?

– Прощение о пожертвовании.

– И что с вами случилось?

– В дороге я заболел, меня приютили в этом монастыре.

Доктор решил повторить свои основные вопросы:

– У вас есть враги?

– Я не знаю таких, – уверенно ответил Степан.

– Вы с кем-нибудь ссорились?

– Да, – с сожалением произнес Степан.

– С кем?

– С братьями.

– Из-за чего?

Степан видит себя стоящим за кафедрой. Его руки сотрясают воздух, он решительно и безжалостно осуждает трех братьев своего ордена за несоблюдение целибата. Его слова вызывают возмущение среди братии. Многие спорят с ним, но кинуть в его адрес ответное обвинение не могут. Всем известно, что он строго соблюдает устав Бенедикта Нурсийского.

– Я отстаивал монашеский устав. Многим это не нравилось, – ответил Степан и с силой сжал кулаки.

Доктор заметил этот жест и поспешил спросить:

– Вас кто-нибудь проклинал?

– Нет. Проклятье – это грех. Да и из-за такого не проклинали. Хотя мои призывы вызвали много возмущенных разговоров.

Доктор посмотрел на часы, время сеанса подошло к концу. Он вывел Степана из гипноза и спросил:

– Как вы себя чувствуете?

Степан потянулся, поднялся с кушетки и размял мышцы.

– Нормально, – сухо ответил он и пересел в кресло.

– Какие ощущения?

– Пока я еще не разобрался, – ответил пациент после минутной паузы. – Тревожно как-то стало.

– Тревожно? Странно. Судя по тому, что вы увидели, у вас была вполне спокойная жизнь монаха.

– Когда я был монахом за два дня до смерти меня охватила такая же тревога. Предчувствие скорого конца.

– Такое ощущение – не редкость. В состоянии гипноза мы переживаем смерть и рождение, ощущения необычные и сильные. Нужно несколько дней для того, чтобы ваше сознание приняло увиденную инкарнацию.

– Мне хочется плакать.

– Вы увидели свою смерть. Эмоции будут захватывать врасплох по мере осознания. Страх, иногда гнев или сонливость. Не подавляйте их. Я предоставлю вам запись нашего сеанса, вы можете посмотреть ее дома. Сопоставьте то, что увидели, с тем, что вы мне рассказывали.

– Я видел девушку, ее звали Жозефина.

– Она ваша родственница? – Краузе записал имя девушки в блокнот.

– Нет, она любила меня. Хотела, чтобы мы поженились. Но я выбрал монашество.

– Почему? – спросил доктор и откинулся на спинку кресла.

– Было такое ощущение, будто у меня не было выбора. Мне было чуждо чувство любви к ней, это что-то неестественное и запретное для меня. Ее прикосновения и поцелуи оставляли меня равнодушным. Прижимая ее к себе в последнюю встречу, я ощущал лишь сожаление, что позволил ей в себя влюбиться. Не нужно было этого допускать.

– Интересно, интересно. Такое мой пациент говорит впервые, – признался доктор и записал несколько фраз в блокнот. – Девушку, которая вас молила о помощи, а также старуху, проклиняющую вас, мы пока не нашли, так что придется вам прийти на третий сеанс.

– Я готов, – решительно ответил Степан.

Доктор проводил его до двери и попрощался. Следующую встречу ассистентка назначила через восемь дней. Степан высказал ей свое недовольство, но без злости, лишь подметив, что хочет приблизиться к разгадке своих сновидений как можно быстрее. Она пообещала, что в случае отказа пациента от сеанса обязательно ему сообщит.

***

Солнце заходило за горизонт багряным заревом. По небу грациозно плыли облака, переливаясь всеми оттенками красного цвета. Эрих лежал возле бассейна в плетеном шезлонге, накрытый кашемировым пледом. Его домработница, Вера Ивановна, поставила перед ним горячий грог из красного вина, корицы и пряностей.

– Эрих, вам пришло приглашение к адвокату Островскому на эти выходные.

Доктор никак не отреагировал на ее слова. Он всматривался в бесконечную линию горизонта и думал о жене.

«Возможно, она сейчас тоже смотрит на этот прекрасный закат, – с надеждой думал он. Сердце разрывалось от тоски. – Сколько же ей понадобится дней, чтобы разобраться в себе? Почему она не звонит? Написала бы, если не хочет слышать мой голос. Всего пару слов. Неужели так сложно?».

– Вам нужно развеяться. Вы себя совсем не бережете, – ворчала домработница, убирая использованные полотенца после его вечернего внепланового заплыва. – Раньше вы принимали пациентов до шести часов, а после отъезда Леночки задерживаетесь до девяти. Перестали спать, плохо едите. Вчера даже не притронулись к ужину, а только пили. Утром я выкинула две пустые бутылки из-под вина.

– А вы думаете, что у Островского я обрету душевный покой? – Эрих усмехнулся. – Нет, Вера Ивановна, вы сильно ошибаетесь. Наверняка он хочет предложить мне свои услуги адвоката в бракоразводном процессе. А может, сама Елена обратилась к нему, опережая меня, и он вежливо и деликатно покажет мне дорогу, по которой я пойду, если буду противиться мировому соглашению.

– Батюшки! – всплеснула руками Вера Ивановна. – Он никогда не пойдет на это. Он же ваш друг!

– Вы очень наивная и добрая женщина, Вера Ивановна. Вы оцениваете своей мерной линейкой общество, которое даже не знает. Понятие «друг» в нашем кругу очень размытое. Друзья там, где благополучие и деньги, где шампанское льется рекой. И их не сыщешь на горизонте, когда у тебя трудности и нужда. Уверяю вас, многие из наших с Еленой, так сказать,

друзей уже потирают руки и ухмыляются. Среди них, наверное, мы были единственной парой, которая прожила так долго в любви и согласии.

Доктор допил грог и поставил бокал на поднос. Вера Ивановна сочувственно покачала головой и ушла.

Краузе включил музыкальный центр, патио наполнилось мелодичной композицией Дюка Эллингтона. Он прослушал «In A Sentimental Mood» пять раз подряд и думал, что именно эта мелодия поразительно соответствует облику его жены. Недаром это был ее любимый трек. Он представил, как кружит с ней в танце. Мягкое и осторожное начало мелодии напоминало походку жены. Она не ходила, а порхала, быстро передвигаясь по паркету. Соло на саксофоне похоже на ее мироощущение – загадочное, тоскливое и полное разочарования. Она всегда говорила, что окружающие люди постоянно ее разочаровывают.

«Интересно, я тоже был в их числе?», – с горечью подумал доктор.

Его мысли прервал водитель. Он протянул ему трубку домашнего телефона.

– Это вас.

– Краузе, – недовольно ответил Эрих.

Он не любил, когда его беспокоили после рабочего дня. Если вечер предстояло провести дома, он отключал мобильный телефон и занимался только домашними делами или релаксировал.

– Эрих, привет, это Ольга, – услышал он в трубке голос старшей сестры Елены. – Не могу дозвониться на твой мобильный.

– Есть новости? – взволнованно осведомился доктор.

– Хороших нет. Никто из семьи с Еленой не говорил. Мы тоже не можем до нее дозвониться. В социальных сетях она не появлялась больше десяти дней. В своей квартире на Кутузовском она не была полгода. Отец оставил ей несколько сообщений, но она не выходит на связь. Мы серьезно обеспокоены. Родители хотят к тебе приехать и поговорить.

– Конечно. Пусть приезжают.

– Ты не знаешь, куда конкретно она собиралась поехать?

– Она не сказала. Всем своим видом она дала понять, что хочет избавиться от моей опеки.

– Боже мой, миллионы женщин мечтают о такой опеке, а она хочет избавиться.

– Печально, но это так.

– Родители очень переживают, хотят все уладить без шума, ты понимаешь? Развод – дорогая штука, никому лишние хлопоты не нужны. Надо договориться, чтобы избежать огласки в прессе.

– Для начала ее нужно найти. А потом уже думать об огласке, – с раздражением произнес доктор.

Отбросив телефон на соседний шезлонг, который обычно занимала его супруга, Краузе протяжно застонал и сжал челюсти. Его поглотило липкое ощущение надвигающейся беды. Такое поведение было Елене не свойственно. Она могла игнорировать его, но не свою семью. Тем более отца, его она боготворила.

Глава третья

На третий сеанс Степан не пришел. Ассистентка доктора пыталась с ним связаться, но безрезультатно. Он не перезвонил и не ответил ни на одно сообщение. Такое иногда случалось, пациенты по тем или иным причинам не проходили курс полностью, но случай со Степаном был особенным. Доктор был уверен в том, что такой основательный человек обязательно докопается до истины, слишком долго его мучили навязчивые сны.

Эрих набрал номер рабочего телефона Светланы Анисимовой.

– Светлана, добрый день.

– Привет, – ответила она растерянным голосом.

Эриху даже показалось, что она всхлипнула.

– Ты отправила ко мне своего пациента, Степана Одинцова. Он сегодня не пришел на сеанс. Не знаешь его домашний телефон?

– Телефон я знаю, но он тебе не поможет, – в голосе Светланы зазвучали трагические нотки.

– Почему? Что случилось? – доктор напрягся.

– Он погиб сегодня, спасая женщину с ребенком. Ту самую женщину, которая ему снилась.

– Откуда такая информация? – обомлел Эрих.

– Включи телевизор.

Эрих потянулся к телевизионному пульта. В новостях передавали о происшествии, которое потрясло всех своей жертвенностью. Краузе сделал звук громче. Трансляция шла с места происшествия. Диктор, молодая женщина лет двадцати пяти, с наигранным драматизмом вещала:

– Сегодня в полдень десятки очевидцев на проспекте Вернадского были потрясены мужеством и героизмом обычного мужчины, который спас женщину с ребенком от неминуемой гибели. Местная жительница Галина Смолякова вышла из автобуса с ребенком на руках и переходила дорогу по пешеходному переходу на зеленый свет. Внезапно из-за автобуса ей наперез на большой скорости выскочил черный внедорожник. От неминуемой гибели женщину и ребенка спас мужчина, шедший следом за ней. В последний момент он толкнул ее вперед, а сам попал под колеса. По предварительным данным, полученным от инспектора ГАИ, прибывшего на место происшествия, водитель джипа находился в алкогольном опьянении. Скорая прибыла на место происшествия уже через пятнадцать минут. Но к этому моменту мужчина уже впал в кому. С ним до последнего момента находилась спасенная им женщина и, по словам очевидцев, она пыталась удержать его в сознании. От полученных травм мужчина скончался в больнице. Мужчину звали Степан Владимирович Одинцов. Три года назад он сам потерял семью в аварии...

Краузе никак не мог поверить в случившееся. Он таращился на экран выпученными глазами. Оператор крупным планом показал лужу крови. В конце репортажа диктор добавила:

– Нам также удалось одними из первых получить видеозапись с мобильного телефона очевидца происшествия...

Не дослушав, Краузе выключил телевизор и раздраженно отбросил пульт в сторону. Ему было искренне жаль Степана, но еще большее раздражение вызывало то, что он так и не узнал, почему его преследовали навязчивые сны.

Состояние доктора было подавленным. Отменив прием, он собрался и уехал домой.

Дома уединиться не удалось. Родители Елены приехали в его особняк как раз в тот момент, когда он после часового массажа решил вздремнуть.

В спальню вошла Вера Ивановна и сказала:

– Приехали по вашу душу.

– Кто? – удивился доктор.

– Маргарита Павловна и Роберт Исаакович.

– Они же хотели приехать завтра.

Домработница закатила глаза и, ткнув пальцем в сторону лестницы, пояснила:

– Сидят в гостиной. Она мне уже намекнула, что они еще не ужинали.

– Придется вам похлопотать, – усмехнулся Краузе.

Доктор принял душ, надел свежую рубашку и джинсы. Спустившись на первый этаж, он тепло приветствовал родителей жены и предложил им скотча.

Роберт Исаакович запротестовал:

– Никакого скотча. Вино! И лучше красное!

Отец Елены – дирижер популярного на весь мир оркестра – часто отсутствовал в Москве. Это был импозантный мужчина преклонного возраста, который, впрочем, не мешал ему иметь многочисленных молодых любовниц и периодически спускать на них приличное состояние. В его редкие набеги домой за ним неотступно следовала жена. Она старалась угодить ему в любом желании. Всем было известно, что своего мнения у нее не было. Она часто приговаривала: «Как скажет Роберт, так и будет». Внешностью она от своей младшей дочери практически ничем не отличалась, разве что выглядела лет на десять старше и постоянно манерничала. Ее подруги завистливо шипели у нее за спиной: «Как законсервированная».

– А я ничего не буду. Я настолько выбита из колеи исчезновением дочери, что не могу даже насладиться вкусом пищи или вина, – жеманно произнесла Маргарита Павловна. – Хотя от бокала хорошего французского вина я бы сейчас не отказалась, – тут же поменяла она свое мнение, – возможно, «Grand cru»?

– Неплохой выбор, дорогая, – похвалил ее муж и натянуто улыбнулся.

Маргарита Павловна сразу встрепенулась, на лице отобразилась щенячья преданность. Она укуталась в норковое манто, хотя в особняке постоянно поддерживалась температура двадцать три градуса.

Доктор спустился в подвал, принес две бутылки вина и разлил по бокалам. Чтобы как-то заполнить возникшую паузу до ужина, Эрих поставил любимый диск жены. Услышав первые фортепьянные аккорды, дирижер начал пальцами отбивать ритм и заметно приободрился.

Разговор не клеился, и доктор решил ускорить события. Он подробно рассказал о последнем ужине и таинственном отъезде жены с чемоданами, сделав акцент на том, что как ее раньше не понимали родители и сестры, так теперь не понимает он.

– Она вся в твою сестру, Марго! Те же претензии и манера поведения! – выпалил разгоряченный рассказом зятя Роберт Исаакович.

К тому моменту Маргарита Павловна выпила уже не один бокал вина и даже не подумала оспаривать слова мужа.

– Они, кстати, друг с другом не в гармонии.

Разговор прервала домработница, подав ужин в столовую, и гости плавно переместились за стол.

После ужина, который прошел в полном молчании тесть протянул ему визитку и сказал:

– Позвони ей. Это психиатр. Марго сказала, что Елена ходила к ней на протяжении последнего года. Может, она что-то тебе расскажет.

Удивлению доктора не было предела, он не смог сдержать реакции:

– Елена ходила к психиатру?! Почему она мне ничего не сказала?!

Маргарита Павловна отвернулась, делая вид, что этот разговор ее никак не касается.

– Здесь наблюдается конфликт интересов. Ты тоже психиатр. Мог подвергнуть сомнению или необоснованной критике диагноз и методы лечения другого специалиста, – поспешил объяснить тесть.

– Зачем мне это делать? Я бы обязательно ей помог.

– Елена так не считала.

С ошеломленным видом доктор взял визитку и положил в карман рубашки. Гости засобирались домой, любезно попрощались и пошли к машине. Через приоткрытое окно в гостиной Краузе слышал разговор подвыпивших супругов.

– Почему ты не сказал ему, что нанял адвоката?

– Зачем заранее раскрывать карты? Может, она еще к нему вернется.

– Раз она так внезапно исчезла, значит, нашла другого. Если бы она сомневалась, сказала бы мне, а если уехала со всем гардеробом, значит, нашла себе вместо этого сказочника более достойную партию.

Стоя у окна, доктор не мог пошевелиться. Его поразило, насколько цинично рассуждали об их пятнадцатилетнем браке родители Елены, и насколько же он сам был наивен в своих предположениях. Конечно! Елена нашла себе другого! Поэтому такая спешка, поэтому такая тайна вокруг внезапного отъезда!

***

Доктор провел еще одну бессонную ночь. Голова раскалывалась от выпитого за ночь спиртного. Он принял душ и спустился на первый этаж. Вера Ивановна оценила его вид, но промолчала.

– Доброе утро, – буркнул он недовольным тоном. – И что заставило вас прийти в субботу?

– Доброе утро. Решила приготовить вам что-нибудь вкусненькое.

– Я буду только кофе, – категорично заявил доктор и налил себе кофе из кофеварки.

Развернув газету, он ткнул указательным пальцем в заголовок на первой полосе и сказал:

– Это был мой пациент.

– Кто? – не поняла Вера Ивановна.

– Парень, который спас женщину и ребенка на проспекте Вернадского.

– Да что вы говорите! – удивилась домработница. – И зачем он к вам обращался?

Доктор счел ее вопрос бестактным, с точки зрения медицинской практики, и сказал:

– Сначала от меня ушла жена, теперь погиб пациент. Не много ли для одного месяца?

Зазвонил домашний телефон, доктор нахмурился. Вера Ивановна подняла трубку и, услышав встревоженный женский голос, тут же передала ее доктору.

– Эрих, привет, это Светлана.

Эрих почувал неладное.

– Что случилось?

– В мой офис приходили супруги Смоляковы и следователь, ведущий дело о наезде, – взволнованно произнесла Анисимова.

– Что они хотели? – удивился доктор.

– Поговорить об Одинцове. В разговоре они несколько раз называли его маньяком.

– Понятно, – сморщился Краузе, он боялся, что именно таким эпитетом рано или поздно кто-то наградит Одинцова. – Что ты им сказала?

– Все, что знала. У следователя были оформлены все документы на изъятие моих записей.

Пришлось отдать. Они спрашивали о тебе.

– Откуда они узнали обо мне?

– Нашли в его квартире запись твоего сеанса.

– Значит, надо ждать гостей?

– Да. Думаю, они придут к тебе в понедельник.

– Что тебя беспокоит? – спросил доктор, чувствуя тревогу Анисимовой.

– Следователь вызывает меня на допрос, говорит, что ко мне будут приняты административные меры.

– Какого рода?

– По его словам, я должна была доложить в правоохранительные органы о его состоянии, а они, соответственно, должны были предупредить Смолякову.

– Вздор! Предупредить о чем? Он ни для кого не был угрозой. Почему вообще они к тебе пришли? Парень спас жизнь женщине, пусть ищут мерзавца, который выскочил на красный свет! – воскликнул доктор.

– Они вошли в квартиру Одинцова и увидели целый арсенал для слежки и фотографии четы Смоляковых.

– Боже мой, – вздохнул Эрих, он и предположить не мог, что Одинцов оставит ворох улик в своей съемной квартире. – Тогда их состояние можно объяснить.

– У меня к тебе просьба: прими Смолякову в понедельник. Расскажи ей все о Степане. Она должна знать правду. Знаю, это против твоих правил, но согласишься, ситуация необычная. Не хочу, чтобы на моего пациента повесили ярлык маньяка.

– Почему ты сама ей все не расскажешь?

– Мне запретили общаться со Смоляковыми. Я сейчас нанимаю адвоката и в понедельник поеду в следственное управление. Меня вызвали повесткой. Помоги мне, Эрих.

Взяв паузу, доктор стал размышлять. Конечно, его репутация может пострадать, если следствие пойдет по неблагоприятному пути. Еще никогда его пациенты не обвинялись в преследовании. С другой стороны, он чувствовал за собой этический долг перед Степаном.

– Хорошо.

– Спасибо, буду тебе обязана. Я скажу ей, чтобы пришла одна, без мужа. Он очень неприятный тип.

***

В понедельник Эрих открыл дверь офиса и сразу увидел возбужденную женщину лет тридцати пяти. Доктор представился и попросил ее пройти в кабинет.

– Меня зовут Галина, – надрывно поведала Смолякова, садясь на предложенный стул.

– Я знаю, как вас зовут. Одинцов был моим пациентом, рассказывал мне о вас и показал фотографию.

Женщина сразу изменилась в лице и жестко произнесла:

– Я требую от вас объяснений.

– Мне кажется, вы не в том положении, чтобы требовать, – сухо произнес доктор, но, вспомнив просьбу сокурсницы, добавил: – Если вы успокоитесь, мы во всем разберемся и все проясним.

– Я надеюсь. Не уйду, пока не получу объяснения, почему меня и мою семью преследовал маньяк.

– Никакой он не маньяк, – мягко возразил доктор. – Он человек, который попал в затруднительное положение и отчаянно искал выход. Лучше расскажите, что произошло, и тогда мне будет легче вам все объяснить.

Галина метнула в него негодующий взгляд, но потом все же смягчилась.

– Одинцов жил в нашем подъезде. Накануне мы вместе возвращались с остановки домой. Мы немного поговорили, он показался мне приличным человеком, немного грустным, но абсолютно нормальным. А вчера он пожертвовал собой и спас мне жизнь.

Ее подбородок задрожал, глаза увлажнились.

– Вот и не забывайте этого. Если бы он хотел вам навредить, то не стал бы вмешиваться в ситуацию.

– Да кто он такой?! – воскликнула женщина и зарыдала.

Краузе взял паузу пока посетительница успокоилась.

– Расскажите, что было после аварии? Вам удалось с ним поговорить до того, как он впал в кому?

– Он сказал: «Прости меня за все, и пусть она меня больше не проклинает», – отозвалась тут же Галина. – Я тогда не обратила на его слова никакого внимания, думала, он бредит. Потом поехала за ним в больницу. Попросила приехать мужа. Мы как раз пытались организовать доставку донорской крови, когда врач вышел и сказал, что он умер. Я не знаю почему, но я так плакала, будто умер мой родственник. Меня переполняло чувство благодарности, я хотела сделать для него что-то хорошее. Мы с мужем взяли ключи в его вещах и зашли в квартиру с нашим участковым. Хотели найти хоть какую-то информацию о семье, чтобы сообщить о его гибели.

Галина высморкалась и перестала всхлипывать.

– И вот, мы заходим в гостиную, а там висит огромная школьная доска, на которой развешаны фотографии моей семьи. Он следил за нами больше двух лет. Мы с мужем были в шоке. Участковый сразу вызвал следователей, начали обыск. Нашли его записи. У него было расписание и маршруты передвижений всех членов семьи. Его квартира реально похожа на логово маньяка.

– Почему вы так решили?

– Все предметы в одном количестве. Одна ложка, одна вилка, один нож, одна кружка и так далее. В квартире почти нет мебели. Диван, один стул и стол. На кухне нет даже холодильника. Я нашла его дневник и до приезда следователей успела прочитать несколько страниц. Там были фамилии с телефонами. Первый оказался телефоном экстрасенса, вторым – психолога Анисимовой. Она-то мне и рассказала, что недавно передала вам пациента. Умоляю вас, расскажите, что все это значит?

– Вы знакомы с понятием регрессивный гипноз? – вместо ответа спросил доктор.

– Анисимова объяснила.

– Степан обратился ко мне с просьбой помочь ему понять, почему со дня смерти жены и сына его преследуют во снах молодая и пожилая женщины. Молодая женщина постоянно просит у него пощады или помощи, а пожилая проклинает. Молодая женщина – это вы. Он случайно встретил вас на остановке и был так поражен, что на автомате пошел за вами.

Далее доктор рассказал Галине все, что знал о Степане. Она внимательно слушала и была потрясена услышанным.

– Почему он мне ничего не сказал? – спросила она, выслушав доктора.

– Наверное, потому, что бы вы посчитали его сумасшедшим.

– Возможно, – Галина закивала.

– Ваши судьбы как-то связаны. Иначе не было бы этих снов. Я дам вам почитать свою книгу, возможно, после нее вы сможете посмотреть на вашу ситуацию под другим углом.

– Спасибо.

Галина взяла протянутую ей книгу, посмотрела на часы и быстро произнесла:

– Извините, мне пора домой. Я рада, что нашлось хоть какое-то объяснение поступкам Степана. Хотя не думаю, что моего мужа или следствие это как-то заинтересует.

***

Через неделю Галина снова появилась в офисе Краузе. Пришла без предварительного звонка, растерянная и смущенная. Когда доктор закончил сеанс с пациентом, Анна доложила о приходе Смоляковой, и он согласился ее принять.

– Добрый день, – тихо произнесла Галина, зайдя в кабинет.

Доктор показал ей на кресло.

– Добрый день, присаживайтесь. У меня сегодня плотная запись, у нас мало времени, что вас привело ко мне?

– Доктор Краузе... – начала Галина.

– Пожалуйста, называйте меня Эрих.

– Эрих, я пришла, чтобы сказать вам, что следствие больше не считает Одинцова маньяком. Они думают, что после гибели семьи у него появилась потребность кого-то спасти и защищать. По какой-то случайности он решил сконцентрироваться на мне. То, что он никогда нам не вредил, красноречиво говорит о его благих намерениях.

– О чем я вам и сказал в прошлый раз.

Доктор был сегодня взвинченным и едва сдерживал раздражение. Елена так и не дала о себе знать. Сегодня он планировал пойти в полицию и заявить об исчезновении жены.

– Галина, я рад, что все разрешилось, и, если вы позволите, мне нужно принять следующего пациента.

– Прошу прощения, что ввалилась к вам без предупреждения, решение было спонтанным. Мне не дает покоя поступок Одинцова. Я прочитала описанные им сновидения и прошу вас довести дело до конца. Я обязана ему жизнью, хочу хоть этим ему отплатить.

– Как? Он мертв, а я не умею вводить в гипноз мертвецов.

– Работайте со мной, – твердо произнесла Галина.

– С вами?

– Да. Если мы с ним пересекались в прошлых жизнях, вы обязательно докопаетесь до сути. Я много о вас прочитала, звонила двум пациентам. Мы познакомились на форуме вашего сайта. Они рассказали мне свои истории и о том, как вы помогли им. Вы меня не отговорите, я все решила.

– Я не пытаюсь вас отговорить, – удивился доктор. – Напротив, считаю, что вы поступаете правильно. Последствия за наши поступки, совершенные в этой жизни, мы будем отрабатывать в следующих инкарнациях. Это касается и вас. Если вы не получите ответа сейчас, то будете искать его в следующем облики. Запишитесь на прием у моей ассистентки. Я приму вас как можно скорее.

Доктор проводил ее в приемную и, поймав вопросительный взгляд Анны, деловито произнес:

– Запись на ближайшее окно.

– Хорошо, – ответила Анна и скосила взгляд на мужчину, сидевшего на диване в приемной. – К вам пришли. Это срочно.

– А где Наталья Сергеевна? Как всегда опаздывает? – спросил доктор о назначенной на это время пациентке.

– Нет. Она ожидает в машине на парковке. Как только приемная освободится, она придет. Я позвонила ей и извинилась за задержку.

– Проходите, – сказал доктор незнакомцу.

Это был высокий мужчина средних лет в синем костюме в мелкую полоску и длинном плаще цвета хаки. Держался вызывающе и высокомерно. Зайдя в кабинет вслед за доктором, он предъявил удостоверение и представился:

– Старший следователь следственного управления по Западному административному округу Жарков Владимир Юрьевич.

– С чем пожаловали, старший следователь? – спросил доктор, усаживаясь в кресло.

– А вы не догадываетесь?

Эрих подумал, что этот визит связан с делом о наезде на Одинцова, но решил перестраховаться и ответил:

– Нет. Так в чем дело?

– Заведено дело об исчезновении вашей жены.

Доктор опешил. Сегодня вечером они должны были подать заявление совместно с Робертом Исааковичем.

– На основании чего? – спросил доктор.

– На основании заявления ее отца.

– Роберт Исаакович подал заявление?

– Да. Вас это удивляет? Ваша жена отсутствует больше месяца, а вы не бьете тревогу.

– Сам факт подачи заявления меня не удивляет. Просто мы договаривались, что подадим его совместно. И да, меня беспокоит отсутствие жены. О чем я неоднократно говорил ее родителям.

– Они это указали в заявлении.

Возникла пауза. Следователь внимательно изучал лицо доктора и следил за каждым его телодвижением. Доктор с легкостью выдержал его взгляд и напомнил:

– Вы сказали, что у вас есть вопросы.

- Да. О чем был ваш последний разговор?
- Жена попросила у меня согласия на отъезд во Францию.
- Она сказала, куда именно поедет? – насторожился следователь.
- Нет, лишь упомянула южный берег.
- Вы пытались с ней связаться?
- Да.
- Каким образом?
- Я звонил ей, но включается голосовая почта. Писал ей на электронку, но она не ответила.
- Как она объяснила свой отъезд?
- Сказала, что хочет побыть одна. Взять паузу.
- Она раньше уезжала одна и вот так – внезапно?
- Нет.
- Так может, она уехала с другим мужчиной?
- Так считает ее мать. И не без оснований. Елена никогда раньше не ездила за границу в одиночку.
- Может, она уехала с подругой? – спросил следователь и прищурился.
- Сразу я тоже так подумал, но позже выяснилось, что ее единственная подруга в Москве и никуда не уезжала.
- Вы о Кристине Джонсон?
- Да.
- Мы поговорили с ней, – надменно произнес следователь и стал по-хозяйски прохаживаться по кабинету, рассматривая дипломы на стене и обложки книг на полках резных шкафов. – Интересная барышня. Ничего не помнит, ничего не знает. Еще не выслушав причину моего прихода, послала меня к своему адвокату.
- Доктор усмехнулся и сказал:
  - Разумно с ее стороны.
- Жарков смерил его заносчивым взглядом и спросил:
  - У вашей жены могли быть поклонники? Например, в вашем окружении...
  - Нет. На приемах она от меня никогда не отлучалась, разве что в туалет. Ей, конечно, говорили комплименты, моя жена красивая женщина, с этим никто не поспорит.
  - Если бы она познакомилась с мужчиной, то где, по-вашему, это могло произойти? Где она бывала? Фитнес? Шопинг?
  - В том-то и дело, что она не выходила из дома месяцами. Спортивный зал и бассейн у нас дома. Покупки моя жена в России не делает. Раз в три месяца мы выезжали в Париж или Милан, там она и обновляла гардероб. На приемы и любые увеселительные мероприятия мы ходили вместе. Иногда она выезжала с Кристиной, но тогда ее сопровождал Василий.
  - Вы в курсе, что ваша жена ходила к психиатру?
  - Мне сказал об этом на днях ее отец.
  - То есть до исчезновения жены вы этого не знали?
  - Нет, – Краузе покачал головой и плотно сжал губы.
  - Правильно ли я вас понял, на протяжении пятнадцати лет она постоянно сидела дома, практически ни с кем не общалась, потом собрала вещи и ушла? – с издевкой произнес следователь. – Как-то неправдоподобно звучит.
  - Но именно так все и было, – доктор пожал плечами.
  - Давайте пройдемся по списку тех людей, с кем она общалась. Родственники у меня записаны. Кто были остальные?
  - Инструктор по фитнесу...
  - Он молодой?

- Это она, Мария Тараторкина.
- Хорошо, продолжайте, – следователь быстро записывал.
- Массажист, Олег Старков. Он приезжает к нам два раза в неделю, иногда мы просим его приехать в выходные.
- Сколько ему лет?
- Не знаю, на вид лет сорок. Он женат, у него двое детей. Имеет богатую клиентуру. Он точно не причастен, так как дважды приезжал после ухода жены.
- Откуда вы его знаете?
- Друг посоветовал.
- Старков сейчас в Москве?
- Да.
- Хорошо. С кем она еще контактировала?
- Домработница, Вера Ивановна. Работает у нас около восьми лет. Водитель и охранник Василий – племянник Веры Ивановны. Работает больше трех лет. Садовник, Антон Петрович, ему лет под шестьдесят, работает с момента нашего заселения в дом, а это – более пяти лет. Нанят фирмой, которая занимается эксплуатацией коттеджного поселка.
- А люди из служб доставки? Вода, кофе?
- Нет. С этими людьми общается Вера Ивановна. У Елены есть стилист Даша. Я о ней знаю только то, что порекомендовала ее Кристи. Да!.. Еще есть ювелир, он друг ее отца. Она с ним часто общалась. Ездил к нему в мастерскую.
- И как часто она к нему ездила?
- Раз в неделю или два. Елена мечтает о своем ювелирном бутике. А для этого ей необходимо хорошо разбираться в камнях. Он обучал ее.
- Сколько ему лет?
- По словам жены, больше семидесяти.
- А соседи? Вы общались с соседями?
- Нет.
- А врачи? Она же занималась своим здоровьем?
- Этот вопрос заставил доктора задуматься. Следователь тут же подметил его замешательство.
- Что? Вы что-то вспомнили?
- Да. Мы с женой последние годы пытались завести ребенка. Она ходила к нескольким специалистам на обследование.
- Как мне получить фамилии врачей?
- Моя ассистентка даст вам контакты клиник, она не раз записывала жену на прием.
- Понятно. И еще один вопрос: что вы подумали, когда жена не вышла на связь?
- Эрих тяжело вздохнул, разговор был ему неприятен.
- Я подумал, что она, как и сказала, хочет побыть одна. Без средств связи, на природе, поразмыслить и проанализировать свою жизнь. Она сказала, что сама не знает, что ей нужно для счастья.
- Хорошо. Пока все, – ответил следователь и протянул ему свою визитку. – Мы еще с вами побеседуем, не уезжайте из города.
- В следующий раз о своем визите предупреждайте моего адвоката, его контакты есть у моей ассистентки, – съехидничал доктор и проводил следователя недовольным взглядом.
- Открывая дверь кабинета, следователь как бы, между прочим, сказал:
- Да, чуть не забыл, сегодня мы будем проводить у вас обыск. Вам необходимо присутствовать в доме. Адвоката тоже зовите.

Доктор удивленно вскинул брови. Внутри все закипело от злости. Он был уверен, что следователь специально убедился, что у него сегодня полная запись, и только потом организовал обыск.

– Я не могу приехать. У меня пациенты, вам придется выбрать другой день.

– К сожалению, это невозможно. Так что милости просим. Не задерживайте следственную группу.

– Я подумаю, что можно сделать! – еле сдерживаясь, выпалил доктор.

После ухода следователя Краузе пытался дозвониться до Островского, но его телефон был выключен. Он позвонил в офис, и его помощница сказала, что он сейчас не в Москве. Описав вкратце ситуацию, он получил консультацию у помощницы и записал мобильный телефон рекомендованного адвоката.

***

Приехав вечером домой, доктор вошел в холл и сразу столкнулся с Верой Ивановной. Выглядела она подавленной и уставшей. Обычно к моменту его приезда с работы она уже уходила.

– Добрый вечер, вы сегодня припозднились.

– Весь день пошел насмарку. С самого утра, как только вы уехали на работу, сюда приехала полиция в сопровождении Роберта Исааковича. Они выключили домашний телефон и забрали мой мобильный.

Доктор обомлел, к голове резко прилила кровь, виски сдавила острая боль.

– Зачем? – еле смог он вымолвить.

Следователь к нему в офис приходил после обеда, а это значит, что к тому времени обыск в его доме уже шел полным ходом.

– Боялись, что я вам позвоню. Они облазили весь дом, вплоть до подвала. Искали записи Елены, забрали ее ноутбук.

– Ордер вам предъявили?

– Нет. Какой там ордер, – махнула рукой Вера Ивановна. – Я думаю, что они все это делали незаконно.

– Согласен с вами. Следствие обычно так не ведется.

– Эрих, это нужно прекратить, они вели себя здесь как хозяева. Будто вы тоже исчезли вместе с женой. Я не хочу, чтобы они меня снова так напугали. Налетели как саранча.

– Сколько их было?

– Двое и ваш тесть.

– Я разберусь во всем.

Доктор прошел в кабинет и позвонил тестю на мобильный.

– Надеюсь, у вас есть объяснения, Роберт Исаакович? Я старался, но не смог истолковать ваши поступки.

В трубке послышался тяжелый вздох.

– Буду говорить откровенно. Без обиняков. Ты, наверное, догадывался, что мы с Марго тебя недолюбливали. Считали выскочкой и приспособленцем. Будучи еще женихом моей дочери, ты стремительно сделал карьеру, успешно используя связи наших знакомых. Вместо того, чтобы пойти по стопам своего уважаемого отца, к слову сказать, с которым ты никогда не ладил, придумал себе шарлатанский заработок – решать проблемы людей с помощью гипноза.

– Как это относится к исчезновению вашей дочери? – не выдержал Краузе.

– Мне кажется, что Елена разочаровалась в тебе. А когда она тебе об этом сказала, ты впал в ярость и убил ее, – Роберт Исаакович произносил слова отрывисто и четко, по голосу чувствовалось, как он возбужден в этот момент.

Ноги подкосились, Краузе плюхнулся в кресло, внутри все кипело, такого поворота событий он не ожидал. Теперь ему стало понятно, почему тесть прибежал в особняк в его отсутствие. Они искали зацепки, а возможно, труп Елены.

– Вы соображаете, что несете?! – воскликнул он.

– Скажи честно, по-мужски. Что ты с ней сделал? – продолжил таким же тоном дирижер.

– Да вы с ума сошли! – закричал Краузе. – Я люблю свою жену и никогда не причиню ей зла. Даже если она от меня ушла. Даже если к другому мужчине. Это не важно! – И уже более спокойным тоном добавил: – Для меня главное, чтобы она была счастлива.

– Это просто слова! – выпалил Роберт Исаакович. – Моя дочь никогда бы не уехала, не попрощавшись! Ты что-то скрываешь, Эрих! Лучше тебе начать говорить!

– Я прощаю вам эти слова, Роберт Исаакович, только потому, что знаю, как вы сейчас напуганы. Ужасные мысли лезут вам в голову, и вы готовы обвинять всех и вся, лишь бы заглушить боль и страдания, которые причиняет вам неизвестность. Мы вернемся к нашему разговору о моей практике после возвращения Елены, а до этого момента я не желаю вас больше видеть.

Положив трубку, Эрих глубоко вздохнул и ослабил галстук. Он осознал, что в деле о поиске жены ему больше никто не даст информации. Придется самому предпринимать какие-то действия.

Эрих захотел выпить вина, спустился на цокольный этаж и зашел в винохранилище. На столе, сделанного из бочки, в которой некогда хранился скотч, стояла такая же открытая бутылка вина, что и в вечер отъезда жены. Прислуга в винохранилище никогда не заходила. Код доступа был только у Краузе.

«Что за чертовщина?» – подумал он.

Доктор сел на табурет, вынул из кармана платок. Осторожно осмотрел этикетку и саму бутылку. Тот же производитель, тот же дистрибьютор. Он огляделся вокруг – пробки нигде не видно, затем подошел к шкафчику и закупорил бутылку пластиковой заглушкой.

Остаток вечера доктор провел в раздумьях на патио, глядя на воду в бассейне. Это успокаивало и помогало упорядочить мысли. Из разговора с тестем он понял, что вся семья не на шутку перепугана. Никто не говорил вслух, но в мыслях уже проскальзывали самые фатальные предположения.

А что, если Елена действительно попала в беду? Закончились дни ожидания и попытки найти объяснения в их размолвке. Настало время активных действий. Решение он принял мгновенно. Позвонил помощнице адвоката и попросил телефон детектива, с которым Островский сотрудничал по рабочим вопросам. Договорившись с детективом о встрече на завтрашний вечер и вкратце изложив ему суть дела, Краузе с удовлетворением выдохнул.

С кем и куда бы ни уехала его жена, он докопается до разгадки.

Глава четвертая

На следующий день Смолякова пришла на первый прием. Краузе попросил пациентку расположиться на кушетке и ввел ее в регрессивный гипноз.

– Галина, представьте, что вы двигаетесь по длинному темному туннелю. Когда вы его пройдете, окажетесь в предыдущей жизни. Туннель похож на цилиндр, по мере приближения к концу стены будут светлеть и превратятся в ослепительный свет. Я буду считать от десяти до одного, и, когда скажу один, вы окажетесь в прошлой жизни. При этом вы сохраните свою личность и не будете себя отождествлять с прошлой личностью. Десять... девять... вы входите в туннель и начинаете ускоряться.

Галине было страшно, и это чувство сковало тело. После слов доктора она увидела туннель и с опаской шагнула внутрь. Она почувствовала плотную сдавленную атмосферу, будто

пребывала под водой. Появилось ощущение, что она здесь бывала раньше, и для нее это место было совершенно безопасным. Страх мгновенно улетучился, на смену ему пришло волнение.

– Восемь... семь... Вы двигаетесь все быстрее и быстрее. Шесть... пять... Стены начинают светлеть. Четыре... три... Стены почти белые, вы видите выход. Вы бежите. Яркий ослепительный свет застилает вам глаза. Два... Один... Галина, вы снаружи!

Выскочив из туннеля, Галина оказалась в невесомости, окруженная густым туманом. Он обволакивал тело как кокон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.